

*Посвящается
Марте*

ЧАСТЬ I
1938–1969

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он познакомился с ней в том же поле, на котором спустя двадцать шесть лет умер под съеденной луной. Лило уже несколько часов. Он шел медленно, осторожно, чтобы не лопались мозоли на ногах. Чувствовал вонь из-под рубашки.

Она лежала в неглубокой луже. Широко раскинула руки. Щурясь, смотрела в небо и ловила губами капли.

Он сел рядом и нащупал в кармане намокшую сигарету. Наклонился, загородился плечом и кое-как закурил. Предложил ей — она не хотела. Затягиваясь, смотрел на тело, обтянутое мокрым грязным платьем. Представился — она лишь улыбнулась в ответ. Стал рассказывать, что живет в Пёлуново, возвращается с уборки урожая от дяди, который снова напился, что ему еще идти и идти, и всякую подобную ерунду.

Лег рядом с ней. Чувствовал под собой липкую прохладную землю. Шершавая стерня колола предплечья. В хмуром небе он не видел ничего красивого. Капли затекали в нос. Холодно. Девушка закрыла глаза, и они долго лежали молча, мокли. Поженились через четыре года.

Поначалу она говорила мало. Казалось, что, если ей приходится это делать, она злится на себя. В первые

годы совместной жизни Янек любил иногда прилечь после обеда и с закрытыми глазами прислушивался, как она шумит кастрюлями, хлопками гоняет кошек и орудует в печке кочергой. Он быстро привык к ее молчанию и к звукам, наполнявшим его дом, который вообще-то не был его. Собираясь в поле, тоже принадлежавшее чужим, он сплетал руки на ее животе и утыкался лицом в худую шею. Она пахла собой и чуть-чуть молоком, как щенок.

Бледные веснушки сыпались с носа на щеки. Волосы цвета ржавчины она собирала в длинную косу. Временами, задумавшись, прикусывала ее кончик и до конца жизни не отучилась от этой привычки.

Вставала затемно и никогда его не будила. Когда он появлялся на кухне, взлохмаченный, как пучок соломы, махала ему со двора. Приносила яйца и не торопясь укладывала их в ящик, а он просил, чтобы она спела. Обычно она ничего не отвечала, лишь иногда говорила: «Не дурачься». Тогда он открывал неглубокий ящик стола и доставал истрепавшееся на уголках Священное Писание в черной кожаной обложке, а потом медленно прочитывал вслух одну страницу. Вернувшись с поля, читал ее второй раз при свете свечи, уже тихо.

На завтрак съедал две краюхи хлеба, по воскресеньям запивая стаканом теплого молока, которое она приносила из коровника в бидоне. Ей нравилось смотреть, как он ест. Она подпирала подбородок руками, а локти съезжали все ближе к центру стола. Любила сидеть на солнце, закрыв глаза и скрестив руки на груди. Коты обвивались вокруг ее ног и, тихо мурлыча, спали.

Она говорила, что ее родители давно умерли. Янек не знал подробностей.

— Был такой музыкантишка, на флейте свистал, но уродец! Ноги кривые и весь какой-то перекошен-

ный, — сказал ему как-то сын солтыса, поднимая цепом столб пыли. — Крапивой его прозвали, а все потому, что вечно в кустах спал. Все мы над ним смеялись, он болтал разное, что святых в небе навещает, с чертом разговаривает, и всякое там. Слова такие выдавал, словно сам их придумал. Были у него большие гнойники, как будто выросшие на спине. Ходил, опустив голову, и играл без конца какие-то мелодии, которые сам выучил. Вроде утонул, но отец говорит, мужики его забили.

— А мать?

— А чего?

— Она как умерла?

— Да ведь мать жива.

Матерью Иренки якобы была сумасшедшая Дойка, которая ходила по деревне и ухаживала за животными в обмен на несколько глотков молока. У нее были длинные седые волосы, слипшиеся на спине, а руки такие натруженные, будто она жила лет сто или даже больше. Обыкновенно она сидела под деревянным памятником, который, вероятно, должен был представлять ангела, но больше напоминал курицу или в лучшем случае фазана. Придвигала колени к подбородку, а огромная грудь распластывалась под просторной холщовой рубахой. Когда кто-нибудь проходил мимо, она улыбалась или выкрикивала непонятные проклятия, колотя кулаками по земле.

О родителях девушки ему рассказывали сын солтыса, слепой Квашня и старшая дочь Паливоды. Их версии различались, но Крапива всегда представал в них помешанным чудаком, который уверял, что общается с чертями и святыми. Поговаривали, что он изнасиловал Дойку, когда та была еще девочкой. С тех пор они почти не расставались. Клянчили еду, спали

в кустах и в разворошенных стогах сена. В Пёлуново одни говорили, что Крапива утонул, другие — что его убили несколько пьяных мужиков. Его обвиняли в несчастьях, обрушившихся на деревню. После его смерти Дойка вырезала из засохшего ствола уродливую крылатую фигурку.

Крапиву помнили только пожилые, а про Дойку в деревне вовсе не говорили. Эта толстая женщина с безумными глазами была как старая бездомная собака, которую каждый день видишь, но не замечаешь. Янек так никогда и не спросил про нее у жены. После беседы с сыном солтыса лишь кланялся Дойке, вызывая у нее истерический смех.

* * *

Прежде, чем они поженились, Янек Лабендович смастерил войну.

Он купил в Радзеюве катушку, детектор и конденсатор, одолжил наушники у Паливоды и на несколько дней засел со всем этим богатством в сарае, роясь на полках, склеивая, обматывая, собирая, ломая и собирая снова, пока наконец не услышал шум, в котором выделялись слова.

На рынке он узнал, что Варшава принимает на двухсот пятидесяти витках, Вильно — на семидесяти пяти, а Познань — на пятидесяти. Отнес детекторный приемник к Ткачам, у которых тогда жила Иренка, поставил на стол и торжественно поднял наушники.

— *Сегодня в пять часов сорок минут утра немецкие отряды пересекли польскую границу, нарушив пакт о ненападении, —* сообщил шуршащий голос. — *Бомбардировкам подвергнут ряд городов.*

Ткач встал, опрокинув стул, его жена нервно засмеялась. Иренка стояла рядом с ситом в руках и смо-

трела на радио, будто ждала, что обладатель голоса выйдет наружу.

В тот же вечер Янек по просьбе Ткача уничтожил приемник, но война, которую он смастерил в сарае, продолжалась. Десять с лишним месяцев спустя, высокий, аккуратно причесанный мужчина в форме вошел в хату Лабендовичей, сел на лавку и вздохнул, словно ему надоело не только хождение по домам, но и вообще все на свете.

Родителей Янека и двух его сестер депортировали через три недели. Янек по ошибке остался. В тот момент он снова работал на сборе урожая у дяди в Квильно, и, поскольку его не было в тамошнем списке жителей, Янека в итоге не забрали. Иренка тоже осталась: ее не было ни в каких списках.

Вскоре в дом Ткачей вселилась некая *Фрау* Эберль с тремя дочерьми, а Янека и Ирену определили помогать ей.

Немка знала о депортационной ошибке, но разрешила им жить в отдельном доме, стоявшем в нескольких сотнях метров от ее нового хозяйства. Учила их немецкому. Иногда приглашала за стол. Янек работал меньше, а ел лучше, чем раньше. Ирена помогала *Фрау* Эберль на кухне и с дочерьми.

В пустом хлеву в хозяйстве, оставшемся от Бжизяков, Янек начал тайно разводить свиней, которых отлавливал в полях. Он подозревал, что кто-то из крестьян, взбесившись из-за депортации, выпустил их назло неизвестно кому. Янек ходил к ним по ночам. Когда убивал первую, она укусила его за ногу так сильно, что он едва справился.

На всю жизнь ему запомнилась та ночь и резкое зловоние смерти. Он душил свинью цепью, концы которой соединил металлическим прутом и крутил им, затягивая петлю на дрожащей шее животного. Паника

и смрад. Несколько десятков килограммов брыкалось из стороны в сторону, а морда беспорядочно металась. Янек видел, как у него набухают вены на предплечьях. Внезапно почувствовал зубы, мягко входящие в плоть. Боль разлилась от ног до головы и там полыхнула, да так что его всего затрясло. Стены хлева клонились внутрь, а пламя поставленной в углу свечи становилось все больше и больше. Когда перед глазами Янека заплясали черные мотыльки, свинья наконец рухнула на глиняный пол. Янек отпустил цепь, сел на чурбан и закурил. Весь хлев дышал его легкими. Кровь пульсировала в стенах.

Через три часа он ехал на взятом у *Фрау* Эберль велосипеде, скрипевшем в черной тишине. Переброшенный через раму мешок раскачивался и бил по ляжкам. Правая нога распухла под штанами и стала неметь. Серый обрубок месяца полз за облаками. Выбоины на дороге были больше, чем днем. Тогда все казалось больше.

Янек чувствовал, как теплая кровь струится ему в ботинок. Черные силуэты плавали по обе стороны дороги. Они растворялись, когда он смотрел на них. У себя он знал каждое дерево и каждый камень — здесь все было чужое.

Темнота перед ним перетекала в голоса. Скрежет цепи затих, подошвы шлепнули по мелкой луже. Он ждал. Ждал, вглядываясь в перистые призраки кустов и в раскинувшееся за ними огромное черное ничто. Сквозь это огромное ничто кто-то шел ему навстречу.

Янек спрыгнул с велосипеда и бросился в рожь. Ноги увязли в грязи. Он ускорял шаг, потом побежал, несмотря на боль. Колючие колосья царапали лицо и плечи. Куски мертвой свиньи бились друг о друга, раскачивая велосипед. Штаны насквозь промокли от крови и пота.

Присел на корточки и замер, прижимая велосипед к животу. Съжившись, прислушивался к шагам и словам. Последние были на польском.

— В такую ночь никому нельзя ходить одному. — Янек был уверен, что уже много раз слышал этот высокий писклявый голос, но в ту минуту не мог сопоставить его ни с одним знакомым лицом. — И уж точно не женщине во цвете лет.

В ответ раздался громкий истеричный смех, шаги на мгновение утихли, а потом он опять их услышал. Наконец воцарилась тишина. Янек выждал еще несколько минут и двинулся дальше, по щиколотки погрязнув в месиве.

Вышел на дорогу у деревянного памятника Крапиве. За нечеловеческим силуэтом с распростертыми крыльями раскинулось поле, раньше принадлежавшее Ткачам. Он повел велосипед в сторону дома, горбатая крыша которого уже темнела вдали. Ночь хлопала в ритм его шагов.

Иренка перевязала ему ногу бечевкой. Через четыре дня, когда отек поднялся уже выше колена, а кожа приобрела цвет мха, они сели за стол, и она произнесла:

— У нас будет ребенок.

Смотрела на него, прикусив обтрепавшийся кончик косы. Он лишь покивал головой и положил руку ей на колено, а потом пошел спать и не вставал двое суток. *Фрау* Эберль сказали, что его покусала собака. Когда после пятидесяти часов сна он вылез из-под одеяла и пришел на кухню, осторожно наступая на правую ногу, Ирена штопала за столом пиджак.

— Жена Паливоды одолжила, — сообщила она, когда он поцеловал ее в макушку. — На свадьбу. Тебе должен подойти.

Они позавтракали, а потом осмотрели его ногу.